

# Наталья Пашова

## Когда закончится война?

### Часть 1

### Глава I

— Поезд «Москва — Новосибирск» прибывает к первой платформе. Выход к поезду через перрон! — Объявила диктор по вокзальному радио. Встречающие высыпали из многочисленных дверей громадного вокзального здания на улицу. Было ещё 10 часов утра, но день начинался с жары.

Стояло знойное и сухое лето 1983 года. Солнце палило нещадно. Казалось, оно перепутало Сибирь с Африкой. Даже ночью не было освежающей прохлады.

Ранним утром, пока раскаленные лучи светила ещё не достигли иссушенной поверхности земли, люди торопились добраться до работы, уехать на дачи или окунуться в животворящую прохладу загородного леса. Электрички были переполнены. Автобусы пустыми тоже не уходили.

Лиза приехала из деревни на сессию в Новосибирский пединститут. Она работала учительницей в школе. И зимние и летние каникулы ей приходилось учиться заочно.

Пассажиры с поезда с сумками и чемоданами вываливались из вагона. Те, кого уже ждали, отыскивали глазами знакомые лица, улыбались, громко приветствовали друг друга и обнимались. Другие приезжие со своим багажом шли на остановки с городским транспортом.

Лиза пошла на трамвай. На остановке народа было не много. Пик раннего утра уже схлынул.

Ей повезло. «Тройка» с одиночным вагоном подошла сразу же. Девушка прошла по привычке в середину выгона, чтобы не согнали с места «божьи одуванчики» — пенсионеров, и села у окна с теневой стороны.

Пожилая дачница с полной корзиной в руке и обмотанными тряпками граблями села возле самого входа на двойное сиденье. Рядом с ней опустился старый мужчина в легкой, защитного цвета, штормовке, с рюкзаком за плечами и удочками в чехле. Судя по тому, как они свободно между собой разговаривали слегка приглушенным голосом, они были явно хорошо знакомы.

Два молодых человека, наверное, студенты или старшеклассники, легко запрыгнули по ступенькам трамвая в салон. Они громко смеялись над чем — то так, что у одного выступили слезы на глазах. И он вытирал их ладонью.

Длинноногая и белокурая красивая девушка модельной внешности легкой походкой пролетела,

как на крыльях, по всему вагону. Легкая юбка из индийского шелка еще больше подчеркивала ее юную красоту. В руках у этой прекрасной нимфы была большая коробка с фирменным тортом «Новосибирский».

Последними еле успели заскочить в вагон мальчишка — подросток с крупной немецкой овчаркой. Собака была, как и полагается, в наморднике. Она уверенно, ни на кого не обращая особого внимания, прошла с хозяином в конец вагона.

Вагон тронулся. Он медленно ехал, чуть покачиваясь на рельсах.

Лиза смотрела в окно. Ехать предстояло через весь город в Дзержинский район. И всегда, приезжая два раза в год на сессию, она любила разглядывать, что нового появилось на улицах родного города.

Постепенно сносились старые частные деревянные дома, сначала на центральных улицах.

Вместо них появлялись огромные здания в 5 — 10 этажей. Модно становилось открывать в первом и даже во втором этажах парикмахерские, столовые, магазины со сплошными стенами из стекла. Правда, выбор в товарах от изобилия магазинов не особо улучшался. А точнее, улучшался, но только для самих продавцов и их семей. Они ходили в таких модных вещах, что

обыкновенной «массе» народа и не снилось.

Лиза работала учителем истории в одной из сельских школ Новосибирской области. И вот однажды на День учителя вечером, когда все ученики разошлись после уроков по домам, педагоги остались на свой праздник в актовом зале. После торжественного собрания, где администрация вручила грамоты учителям с «шикарными» премиями по 25 и 10 рублей, начался самодеятельный учительский концерт.

Запомнился всем один смешной номер. Одна из молодых учительниц, которую все считали очень и очень симпатичной и с хорошей фигурой, модно и со вкусом к тому же одевавшейся — отец у нее работал товароведом в большом торговом центре, исполнила следующий номер.

Она переделалась в обыкновенную одежду из «ширпотреба». Юбка удлиненная «полусолнце» черного цвета и кофточка из синтетического шелка с длинными рукавами «фонариками» и с пышным воланом на груди. Туфельки не модельные, а отечественного производства — твердые, как тиски и громко стучащие при ходьбе, очень похоже на стук копыт. Когда она в таком праздничном наряде «от подружки» появилась на школьной сцене, успех номера был уже обеспечен. Сначала полная тишина, потом сдерживаемое «прысканье» через зажатые руками рты, и совсем скоро громкий смех

буквально всех присутствовавших в зале. Оказалось, что и фигура у нее не изящная, а просто долговязая. Очень короткое туловище и очень длинные руки и такие же палки — ноги. И полностью улетучился весь шарм и уверенность в себе, в своей неотразимости.

Но тут заиграла веселая танцевальная музыка на магнитофоне, и наша красавица начала исполнять веселый танец, ловко перебирая ногами и временами их невысоко вскидывая из под длинной юбки.

Тут все зрители просто зашлись в неудержимом хохоте, держась за животы и не в силах сдерживать слезы, которые лились из глаз и размазывали при этом тушь на ресницах и макияж на щеках.

Успех был полный! Все громко хлопали и кричали: «Браво! Молодец!»

На самом же деле девушка была прехорошенькая и талантливо отыграла свой номер. Это наша промышленность так здорово умела искорежить любой человеческий образ.

Сейчас, глядя в окно на людей, одетых по-летнему, Лиза вспоминала этот эпизод. И думала о том, что какие же молодцы наши люди, если они при такой скудности хорошей одежды умудряются быть такими красивыми и держаться достойно.

Чтобы купить красивую вещь, наши женщины

по полдня выстаивают длиннющие очереди, а потом еще умело, как заправские модельеры, подгоняют ее по себе.

При серости товаров в магазине люди были одеты в разные цвета радуги под стать такому же ясному солнечному дню. И настроение почти у всех было праздничным, веселым.

## Глава II

Трамвай сделал небольшой поворот по слегка изогнутой дуге рельсов и... что это?

Улица оказалась как бы разрезанной невидимой отвесной чертой напополам. Половина, где и шел этот вагон, солнечная, с новыми жилыми многоэтажками. А та половина, которая приближалась, абсолютно серая. И стоят деревянные бараки и разных калибров домишки.

— Следующая остановка... — и трамвай медленно, словно сомневаясь, надо ли, затормозил.

Водитель открыл передние двери и вышел из вагона. Он зашел впереди трамвая на рельсы и сделал по ним несколько шагов. Затем с растерянным выражением лица обернулся к начинающим выходить из вагона пассажирам. — Это что за кино? Вы это тоже видите?

Все сгрудились около входной двери трамвая, словно боялись отойти от него, что бы не

потеряться.

Всё было не так. Куда — то исчезли высокие каменные дома, машины, автобусы, люди. Даже воздух был не такой, пах по другому. И было свежо. На дороге блестели небольшие лужицы. Значит, вчера был дождь. Но дождя ни вчера, ни неделю назад точно не могло быть.

— Куда, мужик, ты нас завез? — Громко спросили парни. — Откуда здесь взялась эта деревня?

Паренек с собакой были у края тротуара. Собака лакала дождевую воду. А её хозяин что — то читал на большом дощатом щите, приколоченном на две вертикальные палки.

Он подбежал к остальной группе людей и, сбиваясь от волнения, стал рассказывать о том, что на стенде все объявления и газеты о войне, когда немцы напали на СССР.

За спиной раздалось глухое ворчание, а потом громкий злой лай.

— Рекс, ко мне! — Крикнул мальчишка.

Собака, вздыбив шерсть на загривке, потрусила к ним, но всё время приостанавливалась и лаяла угрожающе на кого- то, кто был невидим для остальных.

Подбежав к хозяину, овчарка встала впереди мальчика и уже взяла в пасть, так, что слюни летели из пасти, продолжала лаять. Все мышцы её, лапы,

спина напряглись. Казалось, что ещё секунда и она сразится с кем — то в яростной драке.

И тут все увидели, что из — за больших деревьев, из — за тумб и дощатых заборов к ним движется большая группа людей, похожих на зомби.

Они были очень худые, на многих старая одежда, которую сейчас никто не носит. В руках каждый держал палку или вилы.

— Это что, зомби из фильма ужасов? — Вскрикнула девчонка и запрыгнула обратно в трамвай. За ней стали отступать и другие. Пенсионер с удочками держал за руку свою подружку. Он подтолкнул её к ступеням вагона.

— Маша, ты тоже иди в трамвай!

Пожилая женщина послушно поднялась в вагон, но далеко не прошла. Она стояла, держась за поручень у входа, напрягшись как пружина.

А старый мужчина, как видно, оказался не из робких. И к тому же вперед остальных что — то начал понимать.

— Это не съёмки. Это Новосибирск военных лет.

— Так он выглядел, я помню. Это не может быть декорациями.

— Кто вы такие? Немцы? Американцы? Откуда здесь взялись? Трамвай какой — то новый, необычный!



— Фашисты это! Вон и немецкую овчарку с собой привезли — людей травить.

— Сытые какие! Гладкие рожи отъели! Товарищи, у них оружия нет! Бейте их!

Люди напирали. Они были какие — то страшные, но реальные. Все худющие, глаза горели лихорадочным огнём. Видно, что и на ногах держались из последних сил. Но их было много против прибывших гостей.

Лиза училась в Новосибирском пединституте. Она только что приехала в город и все документы были у неё с собой в дипломате. Поэтому его из рук не выпускала. Она смело и уверенно вышла навстречу к милиционеру.

— Я покажу вам свои документы. И вы увидите, что мы свои — русские. Она ткнула паспорт прямо в руки стражу порядка. Затем достала свой студенческий билет и показала людям.

— Только, пожалуйста, не порвите. Я учительница. Мы ехали с железнодорожного вокзала на трамвае! — Лиза махнула рукой назад, даже не поворачиваясь, что бы держать по возможности взглядом кучку людей, как привыкла в классе.

— И непонятно как оказались здесь.

Милиционер удивленно спросил:

— Сейчас 1947 год, а в паспорте дата рождения стоит 1962 год. А дата выдачи 1978 год.

Как это может быть? А сейчас тогда какой год?

— 1983! — Послышалось несколько голосов от трамвая, не менее удивленных.

С обеих сторон повисла тишина. Никто никому не верил...

— Деньги! — Крикнул водитель трамвая. Он быстро метнулся в свою кабину и вынес ящичек с деньгами и абонеменами.

— Нате! Смотрите, если не верите! — Тут же некоторые протянули гостям медные и серебряные деньги.

— Мишаня, смотри, вот твой батя обрадуется для своей коллекции монет! — Друг протянул серебряный рубль, новенький и блестящий.

Напряжение начало понемногу спадать.

— А почему вы такие тощие? Голодаете, что ли? — Выглянула из трамвая тётя Маша.

— Ой, скоро, наверное, и помирать будем! — Тихо сказала высокая женщина, опершись на вилы, как на палку — подставку.

— Хлеба давно ни привозят, ни масла, ни круп, ни соли. Пока лето, земля ещё кормит. Пока живность какая — то была, ладно ещё. А сейчас дикари сумасшедшие все приели. Вот и голод начался.

— Мы вот еще держимся вместе, в один дом перебрались. Охрану ставим, по одному никуда не ходим. Сумасшедшие на людей нападать стали.

— А что, товарищи, может, не побрезгуете, пойдём к нам в дом, поговорим, как быть дальше! — Пряча свой пистолет в кобуру, пригласил товарищ милиционер.

— Вещи свои забирайте все! Оставлять их здесь опасно. — Водитель первым поднялся в кабину и собрал одежду и документы.

Лиза вернулась за чемоданом.

Ксюша, красивая девушка, несла коробку с тортом. У Марии была прикрытая платком корзина.

Мишаня нёс в руке коричневый кожаный чемоданчик — дипломат, а в руке его друга был пакет с чем — то.

Всем хотя и было страшно, но оставаться совсем безоружными и без защиты ещё страшнее.

Но было и ещё кое — что. Приключение казалось настолько необычным, что даже становилось интересным.

Нежданных гостей окружили со всех сторон и повели к себе в двухэтажку люди из военного прошлого.

Милиционер, подойдя к дому, постучал в дверь несколько раз с паузами и громко назвал себя.

Дверь открыл очень молодой лейтенант в потрепанной изрядно военной форме.

— Серёга! — Удивленно и очень обрадованно крикнул пожилой мужчина с удочками.

Он сразу бросился обнимать лейтенанта.

— Ну, друг, вот это сюрприз! — Отстраняя от себя и вглядываясь ему снова в лицо, продолжал он под удивленным взглядом всех окружающих.

— Товарищи, сначала все заходите в дом! — Поторопил их милиционер, подталкивая руками в спины. — Здесь может быть очень опасно!

Толпа ввалилась в дом и толстые прочные двери изнутри закрыли на несколько крючков и положили еще длинную доску вместо щеколды поперёк.

Люди поднимались на второй этаж. А лейтенант ещё ничего не мог взять в толк.

— Я — Генка Богатырёв. Признал теперь?

— Генка? А почему ты такой старый теперь? Что с тобой произошло?

— Это не со мной произошло, а с тобой! Мы ведь так и не нашли тебя после того, как ты в отпуск по ранению уехал. Я и после войны тебя искал, запросы везде писал. Но ты как в воду канул.

А ты жив, Сергей! И вот как довелось свидеться! — По щекам бывшего солдата катились крупные слезы. И старик тряс руку своему молодому ровеснику.

Похоже, доверие начало налаживаться между прошлым и настоящим.

— А вот и моя жена Маша! — Представил Геннадий свою подружку.

— Та самая Маша? — Дрогнувшим голосом спросил Сергей. И жевалки, заигравшие на его лице, выдали сильное волнение.

Женщина уже была заплаканная, а сейчас она просто бросилась молоденькому лейтенанту на шею. И судорожные рыдания сотрясали все тело старой женщины. Корзину она сунула мужу.

— Серёженька, я тебя очень долго ждала. А сейчас я уже бабушка. А ты все такой же молодой. Даже не верится. Как будто это сон!

Все поднялись по лестнице и вошли в очень большую комнату — залу с длинным столом, вокруг которого стояли разнокалиберные стулья и табуретки. А с одной стороны деревянная скамейка.

Заметно было, по спиленным перегородкам, что таким общий зал стал недавно, а не при строительстве здания.

Местные жители стали хлопотать за столом. Они достали чугунок отварной картошки в мундирах и на тарелку положили зеленые перья лука. Предложили стулья гостям, а сами расселись на табуретках.

Ксюша с торжественным видом водрузила большую коробку на стол и жестом фокусника открыла её:

— Опля! У меня сегодня День Рождения!

Хозяйка, ножик есть — разрезать? Угощаю!

Все так и ахнули при виде такого

великолепия. Из соседней комнатухи в приоткрытую дверь выглядывали трое ребячьих головок. Увидев торт, они оставили своё укрытие и подбежали к столу. Дети, как их родители, были худенькие.

— Кышь, сорванцы! — Прикрикнул на них милиционер.

— Садитесь вон все на лавку и ждите. Те послушно сели и притихли.

Лиза открыла свой чемодан и достала из бумажного пакета пару килограммовых полу копчёной колбасы, одну круглую булку вкусного деревенского хлеба, пачку индийского чая. Всё это она выложила на край стола. Ещё отдельно в небольшом пакетике у неё были конфетки — барбариски. Она взяла их и пошла оделять детей.

Сразу запихав в рот по конфетке, дети сидели со счастливым видом и улыбались.

Хозяйки хлопотали возле печки и стола. Ставили на огонь чайники с водой. Бережно нарезали тонкими ломтями хлеб и маленькими кружочками колбасу на тарелку.

Мария показала на свою корзину.

— Доставайте всё, что найдете там!

Из корзины на свет появилась двухлитровая эмалированная кастрюлька с вкусно пахнущим пловом. Тут же нашлись две бутылки с молоком и целая миска с домашними пирожками.

Водитель выложил кулёк с бутербродами и термос с холодным компотом.

У голодных людей при виде такого богатства загорелись глаза. И они все, как один, широко улыбались, сглатывая слюну.

Но когда молодые парни внесли свою лепту к общему столу — выставили бутылку вина и выложили две пачки сигарет, тут уж местный мужской штат закричал: «Ура! Вот так праздник!»

Плов и пирожки с молоком хозяйки убрали про запас. Больше половины колбасы тоже. И всё равно стол получился праздничный. Детям налили по стакану сладкого компота.

— Не торопитесь только, жуйте хорошо! — Не старая ещё женщина давала напутствие ребятишкам.

— С голодухи по многу есть нельзя.

А тут поспел и чай. Некоторое время все ели молча, кроме вновь прибывших. Гости, не сговариваясь, к еде не притронулись, чтобы не отбирать лишний кусок. Но чай пили.

Голодавшие долгое время люди изо всех сил пытались себя сдерживать, чтобы не глотать еду жадно, кусками. И некоторым это почти удавалось.

Наконец, когда приятная слабость от сытого желудка начала разливаться по всему телу, местные жители приступили к расспросам.

— Раз вы из 83 года, значит, война уже

закончилась? Кто победил?

— Мы победили! — Чуть ли ни хором сказали оба парня, девушка Ксюша и подросток с собакой. То есть собака, конечно, ничего не говорила. Она сидела у окна, поодаль от стола и лишь с интересом наблюдала за всеми. А старый солдат начал рассказывать:

— Я дошел до самого Берлина. Фашисты яростно оборонялись. В советских солдат стреляли не только гитлеровские вояки, но и пацаны, и фрау. Много наших мы потеряли в этом Берлине, будь он трижды проклят. Всю войну многие прошли, а здесь полегли, на чужой земле.

А 9 мая 1945 года была объявлена всему миру Победа над Гитлеровской Германией. И сам их фюрер застрелился от такого конфуза.

— За Победу! Ура! — Закричали все. Они, как показывали в старых военных кинолентах, бросились обниматься. Обнимали друг друга и обнимали своих неожиданных гостей. И плакали, не стесняясь, все. Потому что чувства охватили всех одинаковые: радости и боли.

Немного успокоившись, все расселись, как на собрании, чтобы уже попытаться найти выход из этой ловушки.

— Как же так произошло, что вы потерялись во времени? И как жили, сколько лет прошло, что вы так исхудали?



Мужчины, кто курил, потянулись к сигаретам. Дым вился низкими змейками, расстилаясь по всей комнате.

Лиза пошла к окошку и только взялась за форточку, чтобы открыть её и проветрить, как высокая женщина перехватила ее запястье.

— Нельзя! Те, другие, могут почуять, и тогда даже днём будут ломиться в дом. Я — Валя! Подала она руку девушке и сама первая пожалала ей ладонь.

— Лиза! Очень приятно!

Валентина шагнула до печки, открыла побольше вьюшку и заслонку в печке.

— В печку пусть вытягивает. Дым и дым! Никто ничего и не заподозрит! — Пояснила Валентина.

### Глава III

Лейтенант, который за столом украдкой поглядывал на Ксюшу и сейчас как бы случайно оказался поближе к девушке, рассказал Геннадию и всем свою историю.

— Я тогда после тяжелого ранения в грудь и ногу очень долго валялся по госпиталям.

Но выздоровление шло медленно. Любая маломальная хворь, вроде простуды, вроде простуды, прицеплялась ко мне. Нога вроде и зажила, но сильно болела. Ходил с трудом и долго

на ней не мог даже стоять. И мне разрешили съездить на родину — подлечиться в тылу. Так я и приехал к матери в Новосибирск. Доктора здесь оказались грамотными. Дело быстро шло на поправку.

Здоровье тоже наладилось. Грибы, ягода, лес недалеко, — сразу за огородом. В речке рыба, даже зеркальный карп водится.

Да и не голодал тут никто. Не голодали, — поправился он. Но это... уже потом началось. Некоторые горожане кур и коров держали. А уж про деревню и говорить нечего. В огородах даже арбузы садили. Свежий воздух, парное молоко, спокойный сон хоть кого на ноги поставят.

Завтра меня уже на комиссию в госпиталь пригласили. Думаю — выпишут, в тот же день сяду на поезд и обратно — на фронт фашистов бить.

Легли спать. Всё было, как обычно. А утром проснулись, позавтракали. На работу с наших двух улиц люди пошли к остановке на трамвай и я с матерью тоже.

Ждали, ждали. А ни одного трамвая, ни машины не проехало. И какая — то тишина странная. Звуки только с наших двух улиц доносятся: коровы мычат, хозяйки ведром железным стукнут, дети перекликнутся.

А с других сторон шума вообще не доносится. Никакого!

Вернулись домой, а электричество отключили. И радио молчит, даже треска никакого. Телефон, у кого был, тоже проверили — мертвый.

Пошли пешком. Ну, думаем, может, что непонятное случилось. Авария или что. Да и с опозданием на работу строго — законы военного времени. Прошли немного и всё — темнота впереди. Не ночь, там хотя бы луну и звезды видно. А просто полная темнота и пусто, глухо. Страшно куда — то двигаться. Ориентир, даже просто направление вскоре теряешь. На войне всякое было. И смерть мимо пролетала не раз. Но так страшно никогда не было.

Я встал в нерешительности: идти дальше или повернуть назад? Не знаю, что делать. И тут слышу, мать моя рядом где — то, громко так говорит: — Стойте! Не поворачивайтесь! Назад выходите пятясь, как раки.

Я да еще некоторые, что недалеко были, послушались и назад попятились.

Так и вынырнули из темноты. Где вошли, там снова и оказались.

А те, кто не вышел оттуда, пошли дальше или как, не знаем, через день — два тоже вернулись. С виду люди как люди. А только часто они становятся как звери. Глаза невидящие становятся, страшные. Из рта слюни и пена показываются. Рычат, крики нечеловеческие издают. Могут набрасываться на

домашних животных и на людей. И чем дольше, тем чаще. И какие — то особенно сильные становятся. Их бьешь кулаками, даже палкой, а они не боятся совсем, пока не отключатся.

— Пока коровушки — кормилицы живы были, так мы еще держались. Молоко было, да и телята. Возле речки покос хороший на нашей стороне остался.

— А весной последнюю коровенку эти нелюди приели, окаянные! — Вступила в разговор повариха Валентина. — Картошки ведро осталось.

Огороды у нас при домах были. Этой весной уж и не садили ничего. Вурдалаки совсем озверели, ничего делать не дают. Скольких людей уже убили, да съели.

— Дома, которые без хозяев остались, насчет продуктов давно уже всё обыскали, ещё в первые два года.

На речке рыба есть, но уже месяц как не ходили. Сил у нас обороняться не осталось, ослабели с недоеду. Что дальше делать будем, не знаем. Или, может, вы чем помочь сумеете? — С робкой надеждой высказал свою надежду на чудо приземистый старик с бородой.

— Поможем, дед, обязательно поможем! — Мишаня со своим другом Юркой были настроены по — боевому.

— Сделаем осиновые колья и вперед на

вампиров!

— Вон у вашего милиционера пистолет есть.

— Прорываться будем с боем! — Поддержал его друган.

— Молод ты, сынок. Прорываться! Куда прорываться ты собрался? Говорят же, со всех сторон темнота. И выходят оттуда уже не люди. Хочешь в такого же превратиться? — Огрызнулся дед. — Нет уж, пусть я умру здесь от голода, но душу свою сохраню чистой. Я хоть из раскулаченных сюда попал, но к Богу счётов у меня нет.

Его поддержал и милиционер.

— Не раз мы по каждой тропинке ходили, выход искали. Только тьма кругом. Так и пятились, как раки, задом. Спасибо вон его матери! — Кивнул он на лейтенанта. Баба Анна и спасла нас.

— А как вы догадались, баба Аня? — Поинтересовалась Лиза. Она кое — что слышала о чудесном от бабушки в детстве.

— Догадалась. За свою жизнь наслышалась о леших, русалках, банницах, водяных и прочей нечисти. Нет — нет, и что — то в жизни пригодится.

Это современные пионеры да комсомол с коммунистами ни в Бога, ни в Черта не верят. А старые люди неглупые были.

Бабушка внимательно всмотрелась в девушку

и спросила:

— А ты не колдунья ли часом? — Она прищурилась.

— Вон и глаза у тебя какие — знающие, бесстрашные!

Лизе стало неудобно от того, что все стали испытующе рассматривать её. Она очень не любила привлекать к себе внимание.

— Нет, я не колдунья, а учительница. А что немного знаю, так это правда. Бабушка у меня травницей была и шептухой. Людей лечила, детей от испуга и грыжи заговаривать умела.

Я заговоров не помню почти никаких, но кое — что необычное знаю с её слов.

— Вот оно что! Ну тогда, девица — красавица, тебя нам сам Бог послал! — Сказал милиционер, хоть так говорить ему было не по чину. — Конечно, я и сам ни в какую чертовщину не поверил бы раньше, но..., — он прервался на полуслове, потому что неожиданно громко залаяла в комнате собака.

Она встала передними лапами на подоконник и со злостью, вскидывая при каждом «гав» голову, лаяла и лаяла, внимательно всматриваясь через стекло на улицу.

Все новенькие кинулись в первую очередь к окнам. Они же ещё почти ничего не видели в том мире, куда их забросила судьба.

К дому со всех сторон по одному шли люди. Нет, они не двигались как зомби в голливудских ужастиках. Они шли нормальной походкой... или почти нормальной.

Вот один внезапно закружился на одной ноге и захлопал руками, как петух. Постоял, похлопал и снова уверенным шагом пошёл к двухэтажке.

Другая несла на шее хомут, придерживая его двумя руками. Юбка её превратилась в лохмотья. Она иногда взбрыкивала одной ногой и мотала при этом непокрытой головой так, что грязные волосы тяжелыми прядями били по её лицу. Затем снова шла размеренным шагом.

Крепкого телосложения, крупный мужчина шёл с дубинкой в руках, изредка поднимая вверх своё оружие и что — то крича громким голосом. Кого он изображал? Медведя? Обезьяну?

Ребёнок с маленькой рыжей собачкой бежали наперегонки, играли. Причём мальчик иногда вставал по собачьи на четыре конечности и бежал с ней, соревнуясь.

— Их ещё будет много? — Спросил водитель трамвая.

— Точно не знаем. Они все вместе ни разу не показывались. Но двоих из них нет в живых, это точно. Я их застрелил, когда ещё патроны были. — Ответил милиционер.

— Что ты скажешь на это девонька? —

Тронула баба Анна за плечо Лизу.

— Я с этим еще не сталкивалась. Но у меня только одно предположение — они точно не зомби. Это похоже на одержимых. Как в них нечистики вселяются и командуют человеком против его воли. Говорят, раньше священники некоторые могли изгнать их из таких зараженных.

— В библии рассказывается о том, как Господь изгнал бесов и утопил их в море в стаде свиней.

— Ты читала Библию? — Строго посмотрел на Лизу дед Архип, бывший кулак.

— Нет. Я и книги этой никогда не видела. — Опустив глаза и прикусив нижнюю губу, ответила девушка. Ей почему — то стало очень стыдно перед этими исстрадавшимися в жизни людьми.

И некогда было объяснять, что она была пионеркой и комсомолкой. Её и в церковь бабушка один раз водила украдкой, чтобы никто из знакомых не видел.

— А креститься ты хоть умеешь? — Не унимался дедок.

— Знаю, как это делается. Умею. Она опять не стала рассказывать, как она этому научилась в детстве через игру.

«Эй, Лизка, ты знаешь, где звезда у солдата?»

— Здесь! — И она показывала пальцами на свой лоб.



— А где пряжка на ремне?

И она показывала на живот.

— А погоны где пришиты?

Девочка коснулась пальцами до своих плеч.

— Ха-ха-ха! Лизка перекрестилась!»

— Я попробую выгнать нечистика из кого —  
нибудь. Только мне со всеми не справиться.  
Давайте заманим сюда одного — ребёнка с  
собачкой.

— Вы, ребята! — Она в упор посмотрела на  
сильных парней, приехавших вместе с ней сюда. —  
Поможете его подержать за руки. — Глаза у  
девушки были уже уверенные в себе и  
решительные.

Все, кто сейчас заглянул в них, поразились,  
насколько они стали глубокими и темными.

И голос изменился. Он приказывал, не  
сомневаясь, что так надо.

— И все слушайте. Вы отойдёте от нас как  
можно дальше, к самой стене. И что бы ни  
случилось, никто ничего не говорит. И держите  
свои рты закрытыми.

Собаку уведите в другую комнату. Ты тоже  
вместе с ней будь, а то выскочит! — Обратилась  
она к пареньку.

Детей уберите подальше, в другое место.  
Пусть с ними останется серьёзный человек. Чтобы в  
дверь не подглядывали, не открывали. И сидели

тихо! — Она посмотрела на Валентину.

— Всё. Я буду здесь ждать. Подготовлюсь.

Геннадий попросил у поварихи отломить кусочек колбасы для приманки. Оба парня — студенты и двое из местных пошли вниз.

К этому времени странные люди уже ходили по двору двухэтажки. Но в дом они не ломались. Просто караулили, не выйдет ли кто.

Чтобы не привлечь внимания всей этой своры, разведчики по лестнице старались спускаться тихо и не разговаривать между собой. Миша знаками показал дежурным чуть — чуть приоткрыть дверь.

Парень присел на корточки сбоку от щели и стал тихонечко помахать копченой колбаской, чтобы собачка первой унюхала этот запах.

Рыжик очень быстро понял, откуда идёт необыкновенно вкусный аромат мяса и кинулся со всех ног в приоткрытую дверь. Его товарищ побежал вслед за дружкой. И тут ему уже дверь приоткрыли чуть шире. Мальчик проскочил в дом раньше, чем остальные караульные успели броситься за ним.

Увидела только женщина — «лошадь». Но она опоздала. Несколько раз стукнув ногой в дверь, она села перед ней и неподвижно замерла, привалившись спиной к косяку у входа.

## Глава IV

Собака получила свою колбаску и, довольная, бежала с нею по деревянным ступенькам лестницы за своим маленьким другом, которого замотали в байковое клетчатое одеяло, как плотный кокон, и несли на руках парни.

Мальчик мычал и лаял, пытался дёргаться всем своим худеньким телом. Но, поняв, что это безуспешно, затих, затаился.

Разведчики с пленённым языком вошли в общий зал.

Лиза сначала нагнулась к собаке, подержала над её головой свою руку, а когда она управилась с колбасой и, облизываясь, подняла на её хорошенькую головку и посмотрела весёлыми доверчивыми глазами девушке в глаза, она погладила пёсика и похвалила:

— Умница! Хорошая, красивая собачка!

И облегчённо вздохнув, произнесла: «Чистый!»

Уведите его к овчарке. Пусть поиграют.

Она стояла недалеко от окна. Протянула руку и открыла форточку. Объяснила остальным на их недоумённые взгляды: — Так надо!

И к мужчинам:

— Разворачивайте осторожно! И приготовьтесь!

Мальчика медленно освободили от одеяла. Он спокойно стоял и смотрел на окружающих, никак не проявляя своей агрессии, а просто переводил свой взгляд с одного лица на другое. Наконец, его глаза встретились с Лизиными. С минуту они, казалось, спокойно смотрели друг на друга. Потом мальчик сильно вздрогнул и взгляд его стал другим, метнулся в сторону, насторожился. А тело сильно напряглось, как бы готовясь к прыжку.

Парни сами всё заметили и с молниеносной быстротой схватили ребёнка за руки и плечи осторожно, но крепко.

Лиза начала громко читать молитву «Отче наш». Это вообще была единственная молитва, которую она знала. Каждое слово девушка произносила внятно и отчетливо сильным уверенным голосом, в котором не слышалось ни нотки сомнения в себе, ни в правоте своей, ни в том, что сильнее Господа на земле никого нет. Всё так, как учила бабушка: «Верь в то, что всё получится! Отбрось любые сомнения!»

Мальчик извивался в руках, рычал странным голосом, то порывался лаять. Потом затих. А Лиза после молитвы отчеканила такие слова: «Силой, данной мне Богом, приказываю тебе — уходи туда, откуда ты пришёл!»

Мальчик поднял на неё голову и низким мужским голосом закричал: «Нет!»

— Да! И будет так! Это наш мир, и мы здесь хозяйева! А ты уйдешь сейчас же и навсегда. Вон! — прикрикнула Лиза.

Что — то пронеслось под потолком и со свистом вылетело в окно. Лиза закрыла форточку:

— Должно быть всё. Отпускайте его!

Парни чуть — чуть отошли в сторону. Мальчик посмотрел на Лизу.

— Всё. Чисто. Налейте ему стакан молока, пожалуйста. — Обратилась она устало к женщинам.

— Как тебя зовут? — Девушка прикоснулась к голове ребёнка и слегка поворошила ему волосы. К её удивлению, они были чистые.

— Алёша. — Ответил мальчик, уже улыбаясь. — А вы кто?

— Я учительница. Учю в школе таких же детей, как ты. Молоко будешь?

Мальчик взял стакан и отпил на половину.

— А это Дозорке. А где моя собака?

Дружок откликнулся звонким лаем за дверью.

Лиза подошла к двери и сказала:

— Выпустите рыжего. Можно.

Собака пулей вылетела из комнаты и встала на задние лапы перед хозяином, опираясь ему на колени передними. Мальчик поднял повыше стакан, чтобы не разлить молоко.

Валентина подала Алёше миску. Он осторожно вылил туда молоко. Дозорка начала его

лакать уже из льющейся струи. Бочка у собаки заметно пополнели. Много ли маленькому надо? Ему сегодня повезло. Кстати, странно было то, что собака не выглядела тощей. Скорее всего, судя по его подвижной натуре, он кого — то, наверное, ловил: птичек или мышей.

— А мама? — Вдруг вспомнил Алексей.

— А что с ней? Я не знаю, где она! — Растерянно произнесла Лиза.

— Она под дверью сидит здесь. — Сказал мужчина из местных, один из «разведчиков».

— Это женщина с хомутом?

— Да, это она и есть. Как — то всё таки, несмотря на своё сумасшествие, она заботится о сыне, раз до сих пор он жив и здоров. Они крайне редко появляются на улице.

— Сумеете её привести? — Лиза вопросительно посмотрела на своих разведчиков.

— Я маму позову! — С радостью подскочил ребёнок. И группа опять пошла на задание.

Женщина с хомутом на шее всё так же сидела. Она ждала, как уже привыкла долго- долго ждать. Ждала всё это время мужа с войны. Ждала, когда, сын подрастёт, когда война закончится. Она уже смутно всё понимала. Иногда вообще забывала, кто она и что делает, но сердце продолжало ждать и надеяться на лучшее.

За дверями послышалась приглушенная возня

и знакомый голос, который она безошибочно узнавала даже при приступах полного помутнения рассудка, позвал:

— Мама, я открою дверь. А ты зайди в дом. Но чтобы тебя никто не заметил.

Женщина поднялась и, сделав вид, что она устала сидеть на земле, медленно прислонилась к дверному косяку. Вот двери приоткрылись и маленькая ручонка дёрнула ее внутрь. Там, испуганную, её крепко схватил за ладонь сын.

— Не бойся, мамочка, тебя тут не обидят. У них еда есть, вку-у-сная! Мы с Дозоркой молоко пили. Двое мужчин шли впереди, а двое сзади. На всякий непредвиденный случай.

Так они зашли в зал, где все их ждали. Женщина вела себя адекватно, хотя заметно было, что очень боялась.

Лиза подошла к ней поближе и протянула руку:

— Меня зовут Лиза. А тебя?

— Зинаида. Руки она не протянула. Впрочем, девушка была этому только рада. Кто знает, как та поведёт себя дальше?

Она тронула хомут и спросила:

— Ты очень устала?

— Да. Я устала с самого детства. Как только я научилась хорошо ходить, меня заставляли нянчиться с младшим братиком. Потом гусей пасти

по целому дню. Полола грядки, мыла пол. А играть с соседскими ребяташками не пускали. Замуж вышла, муж попался ленивый и к тому же жадный. Жду мужа с войны, а сама боюсь его. И всё время очень хочется есть.

— Мы тебя накормим. Только я сначала попробую помочь тебе избавиться от этой усталости. Ты хочешь этого, да? — Спросила девушка.

— Да. Я хочу этого больше всего в жизни!

— Тогда сможешь пообещать мне, что как бы плохо тебе не было, ты не ударишь и не причинишь мне никакого зла?

— Я думаю, что смогу сдержать себя. Я подожду, когда мне станет легче. Ждать мне не привыкать.

— Хорошо! — Лиза вплотную подошла к Зинаиде и обняла её крепко:

— Я беру тебя, раба божья Зинаида, под свою защиту и под защиту Господа нашего. Два белоснежных крыла моего Ангела-Хранителя обнимают меня и тебя и два белоснежных крыла твоего Ангела — Хранителя обнимают нас обеих. Мы стали сильнее в два раза, чем ранее. А теперь, чужой дух, уйди отсюда в то место, откуда ты пришёл. Вон!

Женщину трясло всё сильнее. Если раньше у неё заметна была только дрожь, то сейчас её просто



лихорадило. Лиза не отпускала её, схватив себя крепко — накрепко одной рукой за другую.

Но Зина тоже держалась. Непонятно как, но ни разу не сделала попытки разорвать объятия молодой девушки или оттолкнуть её.

Она была крепкой, плотно сложенной женщиной и наверняка сумела бы с ней справиться, несмотря на недоедание. Но только губы себе до крови искусала. И, наконец, у неё вырвалось протяжное: «О-о-ох!». Опять что — то стремительно пронеслось в воздухе. И в этот раз сильно хлопнула форточка, посыпалось из неё стекло.

Все испуганно ахнули.

Лиза подвела ослабевшую женщину к стулу и помогла ей сесть. Ослабевшие ноги держали Зину плохо. Но она быстро приходила в себя.

— А поесть дадите? — Несмело спросила Зина.

— Молоко обязательно и пирожок дайте Зинаиде! — Сказала Лиза, еле выговаривая слова.

— Где мой сынок? — спросила мать, приняв угощение. И вот сын вместе с собачкой прибежал к ней и забрался на колени. Дозорка попытался сделать это же, но двоим места не хватило.

И он ограничился тем, что сел возле ног у стула и, свесив язык, улыбался всем, кого оглядывал.

Зинаида отломилась полпирожка и поделилась с сыном. А молоко выпила залпом сама.

Потом уже стала маленькими кусочками откусывать свои полпирожка.

— Спасибо, очень вкусно, спасибо! — Она встала и поклонилась всем поясным поклоном.

Все смотрели на мать с сыном и почти никто не заметил состояния Лизы. Только баба Анна торопливо кинулась к девушке и подхватила её под руку, когда та качнулась и схватилась за подоконник.

— Что ты, девонька, устала? Пошли ко мне в комнату, на постель ляжешь. Отдохнёшь.

На Лизу было больно смотреть. Её лицо вмиг как будто постарело лет на десять. Все краски на нём поблекли, щеки и лоб стали бледно — серыми. Глаза, недавно ещё такие властные, часто моргали и прищуривались, как будто со зрением неполадки. Статная фигура поникла, плечи опустились и спина заметно сгорбилась.

Старик из «раскулаченных» и баба Анна увели её отдыхать.

Лиза, как только добралась до постели, легла поверх покрывала и сразу же отключилась.

## Глава V

В комнате тем временем никто отдыхать не хотел. У местных забрезжила какая — то надежда на спасение.

А новички тоже боялись остаться здесь, стремились как можно быстрее вернуться к себе, в привычный мир. Прежде всего их интересовало, какой здесь счёт времени.

Ведь на земле со времён войны с 1943 по 1983 год прошло 40 лет.

Все снова сели за стол. Два солдата, молодой и старый, держались рядом. Геннадий спросил:

— У вас какой год шёл, когда всё это началось?

— 10 июня 1943 года.

— А сколько лет, по вашим подсчетам, вы живёте в этой ловушке?

— Сегодня 10 июня 1947 года. Значит, ровно 4 года прошло.

— Что же получается? 1 год у Вас проходит как 10 лет для нас.

— Значит, если мы задержимся хотя бы на 1 год здесь, вернёмся в наш мир уже через 10 лет! Все нас будут считать пропавшими без вести или погибшими. Квартиры мы потеряем, работу и учёбу тоже.

— И кроме того, как мы объясним причину

такого долгого отсутствия? — Задала вопрос Ксюша.

— Если скажем правду, нас всех упекут в психушку, без вариантов.

Вопрос о том, чтобы вообще не вернуться, даже в голову никому не приходил.

— А мы ещё год здесь и не проживём. У нас есть совсем нечего. — Подытожил милиционер.

— Теперь предлагаю рассмотреть наш лучший вариант! — Предложил отставной военный.

— Я, извините, не всем представился — Геннадий Васильевич — подполковник в запасе.

Допустим, нам удастся всем вырваться отсюда скоро. Я не знаю как, но считайте, это моя интуиция, которая уже не раз меня выручала.

— Вас, — он быстро окинул взглядом комнату, — 15 человек вместе с детьми, да внизу трое.

Надо всех накормить, одеть, обуть, предоставить крышу над головой. Ну, первое время мы сумеем вас поддержать, а потом... Без документов на работу никуда не примут. Жильё — у нас его по двадцать лет ожидают. На мясо, колбасу, масло талоны только жителям с городской пропиской дают. А деревня без них сидит.

Скотину тоже не каждый дом и в деревне держит — кормов негде взять. А покосы дают только избранным. Это тоже не выход — без денег

прийти в новую жизнь. Надо подумать, что вы взять отсюда можете, за что у нас деньги сразу дадут.

— Фарфор старинный, хрусталь, шкатулочки, золотые и серебряные украшения, художественные сувениры. — Перечислила Мария.

— Картины известных художников, старинные книги, иконы, старинные игрушки. — Это уже Ксюша добавила в перечень ценных вещей.

— Монеты, особенно царские. Наградное оружие, кортики, сабли, пистолеты! — Перечислял Мишаня.

— Ладно, товарищи, пошлите по своим углам, соберём, что ценного и дорогого у нас найдётся! — Милиционер встал из — за стола. — Соберём на всякий случай то, что унести с собой можем.

Все, задумавшись, разошлись по комнатам.

Остались только пассажиры с трамвая № 3 и Зинаида с сыном и собачкой.

— А у нас, Алёшенька, землянка у речки. А в ней ничего ценного и нет. — Прижала к себе головку сына грустная мать. Дом со всеми скарбом сгорел год назад. Еле сами спаслись.

— У меня, мама, есть красивые камешки. Вот! — Мальчик достал из своих штанишек плоскую маленькую баночку из — под монпансье и осторожно открыл плотную крышечку.

Все подошли посмотреть.

В баночке лежали гранёные крупные и

помельче камушки самых разных расцветок: желтые, голубые, зелёные и розовые. Они переливались и искрились при попадании на них лучей света.

Ксюша тоненькими пальчиками с накрашенными розовыми ноготками взяла один из них и поднесла на вытянутой руке напротив своего лица, к глазам.

— Да это же настоящие драгоценные камни. Бриллианты! — Восхищённо воскликнула она. У меня мама в «Яхонте» работает. Она мне показывала украшения с такими камнями.

— Ты где их взял? — Испуганно спросила мать.

— А мы с Дозоркой катаемся с горки к речке возле нашей землянки. Там глиняный бугорок такой, видела?

И после дождя из земли эти камушки появляются. Уже давно! — Похвалился ребенок.

— Держи крепко, малыш, свои камушки! — Закрыла баночку и подала ему в руки Ксюша. Тут вам на всё хватит — и на еду, и на новый дом и мебель к нему, и на одежду. Я помогу вам продать их.

— Во, блин, счастье привалило! — Парни завистливо почесали себе голову.

— Слушайте, а монетки у Вас старинные есть?

У нас коллекционеры их хорошо покупают.

— Или книги старые?

— Да если в заброшенных домах посмотреть, на чердаках особенно много старой рухляди... Мы же не знаем, что вам нужно! — Предложила повеселевшая женщина. — Только идти туда нужно группой. Опасно!

— Пойдёмте, кто хочет! — Несмотря на риск, у парней загорелись глаза. — Всё по честному, всё равно пропадёт.

— Ты еще выберись отсюда! — Проворчал как бы самому себе Геннадий Васильевич. — Я никуда не пойду. Нам с женой и того, что у нас нажито, хватит. — Приобнял он свою супругу.

— Хватит, Гена, конечно! — Согласилась Мария.

— Да и староваты мы уже по чердакам лазить! — Смущенно улыбнулась она.

— Можно, я с вами пойду? — Попросился паренёк.

— И Рекса с собой возьмём. Он нас охранять будет.

— Я тоже хочу! — Ксюша рассмеялась. — Нам проводник всё равно нужен. А я Серёжу попрошу. Он не откажет.

— Решено! — Одобрили Мишка и Юрий в один голос и опять засмеялись. — Приключения продолжаются! Такой шанс — побывать в

прошлом, да ещё не с пустыми руками из него вернуться! Этот подарок судьбы надо брать.

— Ноги отсюда целыми и невредимыми унести — вот это подарок судьбы будет! — Сокрушенно вздохнул водитель трамвая. — Что я на работе скажу? Хоть бы не уволили из за этих приключений!

Геннадий посоветовал:

— Возьмите с собой Елизавету. А то вляпаетесь в дерьмо. А эта девчонка — колдунья не такая простая, как кажется. Вон как лихо с одержимыми управилась!

Постепенно местные начали возвращаться с чемоданами и узлами. Первым пришёл милиционер с чемоданом. Он поставил его возле окна и сказал:

— Тут документация по моей работе за последние пять лет, мои документы. Денег у меня нет, но есть вот это. Из чемодана он достал саблю в богато инкрустированных золотом и драгоценными камнями ножнах. Прятал всё время память от отца. Хватит этого на первое время?

— Конечно. Ещё бы! — Подтвердил Геннадий.

Парни восхищенно разглядывали оружие.

— Ну и ладно. Документы новые получу — пойду работать. Я ещё молодой, справлюсь с новой жизнью. Старик из «раскулаченных» принёс сидор за лямку, полный. И в другой руке старинный



саквояж. Что там лежит, отчитываться не перед кем не стал.

Две женщины в годах несли по узлу и завёрнутые в платки иконы.

— От матерей остались. Нельзя бросить!

Хромой, интеллигентного вида, мужчина в очках, принёс собой патефон с коробкой пластинок. За плечами висел полный солдатский вещмешок.

Высокая женщина внесла в залу очень скромный узел, но довольно большую тяжелую коробку, перевязанную бельевой верёвкой крест — накрест, как торт.

— Катерина, чего это ты в коробку наложила? — поинтересовались подружки.

— Это книги отца и деда.

Вошла и баба Анна с узлом и маленькими блестящим самоваром в большой корзине.

— Вот посуду получше собрала. И без самовара уж я никуда, с собой возьму.

— Баба Аня, а Лиза еще отдыхает?

— Нет. Встала, умывается. Отошла немного. Как мёртвая спала. Я собиралась, ходила, звякала, она хоть бы пошевелилась. И глаза открыла сразу же, легко встала. Сильная девка. Ей бы такого же мужа под стать. Слабого сломает, да и бросит. Лиза, заметно посвежевшая, вошла в большое помещение, которое, просторным уже назвать никак было нельзя. Кругом, как на вокзале, стояли

коробки, чемоданы и узлы.

— Мы куда — то едем? — Обрадованно спросила она.

— Никуда мы еще не едем. Мы только мечтаем об этом. Ответил Геннадий Васильевич. — А вот вам, наверное, предстоит уже новое путешествие. Вся бесшабашная молодёжь собралась себе на з...у новые приключения искать. Хотят вылазку за старым хламом сделать в брошенные дома.

— Ты пойдешь с нами? — Предложила Ксения. — Почему бы не увезти с собой немного полезного: книги, игрушки, сувениры? В музей или в (БУККИНИСТИЧЕСКИЙ) магазин можно сдать. Или себе оставить красивую вещицу.

— Конечно, пойду. Я историей увлекаюсь. Ради этого только стоит посмотреть что —нибудь.

## Глава VI

Вся группа во главе с младшим лейтенантом вышла из дома. Поблизости ничего подозрительного видно не было.

По дороге посоветовались и решили не разделяться в целях безопасности и чтобы не потерять кого —нибудь.

Все вместе зашли в первый дом — длинный барак из потемневших от времени брёвен. У него

был один вход и из сенокоса двери открывались сразу в помещение.

Длинные ряды железных коек с круглыми блестящими никелированными шариками на спинках стояли в два ряда. На некоторых кроватях с панцирными сетками лежали полосатые ватные матрацы и тощие подушки. Одежд и постельного белья не было вообще.

— Этот барак стоит ещё с начала строительства города, с 1905 года.

При советской власти здесь уже никто не жил. Но когда приезжали командировочные, их заселяли и сюда тоже.

Между кроватями стояли тумбочки. Парни пошли открывать ящички и дверки в них. Кое — где лежали старые газеты и письма в конвертах.

— Ничего ценного! — Подытожил Мишаня. — Если только марки на конвертах. — И он положил два письма себе в чемоданчик — дипломат.

Все направились к выходу.

Кто — то сверху с противным писком свалился как раз на голову Ксюши и начал барахтаться в её пышных волосах. Она вскрикнула и попыталась взмахом руки сбросить это со своей головы. Но не получилось.

Лейтенант командовал: «Стой! Не двигаться!» и чётким прицельным движением руки

схватил это пищащее существо и показал в зажатой руке всем:

— Летучая мышь! — И отбросил её к стене.

Когда они вышли на дневной свет, Сергей, заботливо осматривая голову девушки, спросил:

— Она тебя нигде не поцарапала?

— Да нет, кажется! — Неуверенно ответила она. — Нигде не больно. — Ксюша все еще дрожала от испуга и от вида мерзкой твари.

— Погибнуть в чужом мире от зубов вампира! — Страшным голосом завыл Мишаня.

— Ладно тебе, приколист недоделанный! — Толкнул его кулаком в плечо дружок. — Сам то побледнел и остолбенел — все видели!

— Заходим! — Распахнул калитку Михаил и широким жестом пригласил как к себе в гости.

Дом был далеко не новый, но добротный. С разными наличниками и ставнями, на высоком кирпичном фундаменте, из которого наполовину выглядывали полуподвальные окна.

— Это дом доктора, который меня лечил. Его в тот злополучный день с нами не было. Он дежурил в больнице. Так потом и не появился больше.

У него в роду дед и отец были врачами. Из дворян. Но из страны не уехали. Так здесь и жили. — Познакомил Сергей экскурсантов с домом.

— Мы здесь ни один раз бывали. Продукты

были. Все забрали. В подвале банки с овощами хранились — жена у доктора мастерица на это была. Тоже с ним вместе работала. А вот детей им бог не дал. Почему — не знаю.

Сергей снял навесной замок. Он открылся без ключа. И все в каком — то почтительном молчании друг за другом последовали вовнутрь.

На кухне стояли чистенькие кастрюли, висели прихватки и полотенца. На столе на (ЖОСТОВСКОМ) расписном подносике стояли фарфоровые петушок и курочка — солонка и перечница.

На подоконниках — цветочные горшочки с давно засохшими и осыпавшимися комнатными цветами и паутина на пыльных стёклах.

Возле стены около входной двери возвышалась величественно старинная пузатая горка — шкаф со стеклянной посудой.

Фарфоровая высокая статуэтка стояла отдельно внизу под полками. Она была в виде грациозной кошечки, сидящей в красивой горделивой позе с приподнятой кверху головой. А на спинке её, рядом с красным бантом, в шее прорезанная щель — отверстие.

— Копилка! Мишаня взял кошку и приподнял. — Ого! Тяжелая! — ОН хотел разбить её. Но Лиза перехватила руку парня.

— Да подожди ты. Ни разу деньги в детстве,

не доставал, что ли, из своих копилок?

Она открыла ящик горки — шкафчика и нашла тонкий нож. Подошла с копилкой к кухонному столу, постелила полотенце и перевернув статуэтку вниз головой, просунула аккуратно лезвие ножа и легонько тряхнула её. Из кошки зазвенели монеты, выбивая лёгкую пыль из полотенца: гривенники, полтинники, серебряные рубли, медная мелочь.

Забыв обо всём, парень перехватил эту инициативу и сел за стол.

— Забери кошку. Потом трясти будешь! — Одёрнул его Юрий. Он сам завернул копилку в это же полотенце и подал всё товарищу.

Тот, немного ошалелый, прошептал:

— Мы, кажется, нашли клад. — И положил её в свой дипломат. А друг его напутствовал, похлопав по плечу.

— Кошку маме подаришь, а деньги — папе для коллекции.

Шариться по всем ящичкам, перебирать посуду, вилки и ложки как — то всем было немножко стыдно. Поэтому они пошли в другие комнаты.

Лиза выходила последней. Когда она обернулась назад, на неё смотрели фарфоровые петушок и курочка. Ей стало так жалко их оставлять в этом заброшенном доме одних,

потерянных. И она вернулась, положила их аккуратно в свой дипломат, завернув в носовой платок. И подносик, как гнёздышко, тоже взяла. И закрыла дверь за собой.

Девушка прошла в большую комнату, где деловито осматривали огромный шкаф с книгами её товарищи по несчастью. И, пробежав взглядом по его содержимому она сделала вывод, что мы здесь задержимся надолго.

В основном здесь были дореволюционные книги. Целые собрания томов с роскошными золотыми корешками. Здесь было собрана не только медицинская и художественная литература, но и научная, много исторической и о путешествиях.

Лизу заинтересовала лестница в углу комнаты. Она подошла к ней и прямо над головой увидела люк в потолке.

«— Где же еще можно найти старинные вещи, как не на чердаке?» — Подумала она и полезла на верх. Лестница надёжно приколочена, ступеньки удобные, широкие.

— Так что ничего страшного! — Сказала она сама себе. В сумке есть маленький фонарик на батарейках.

Лиза легко забралась на чердак. Крышку люка закрывать не стала с тем, чтобы слышать, что творится внизу, и товарищи, если спохватятся

искать её, поняли всё по открытому люку.

На чердаке, вопреки её ожиданиям, полной темноты не было. Под самой крышей с фронтом обшивки пропускали свет два маленьких круглых оконца. Читать при таком освещении было нельзя, но всё видно.

На чердаке, как и во всём доме, полный порядок. Несколько старых мягких стульев стояли у самого края крыши. Рамы от картин, перевязанные лентами, водрузились на эти стулья.

Картонные коробки по две, по три были составлены друг на друга. Лиза подошла к одной из них и отогнула листы верха. Взяла фонарик, включила его. И, о чудо! Стекланные ёлочные игрушки засверкали блёстками. Они лежали рядами. Каждый ряд переложен толстым слоем белой ваты.

Вот хрупкий шарик с нарисованными выпуклыми блестящими снежинками, насквозь прозрачный. Вот ещё фиолетовый, красный, перламутровый, белый. Вот стеклянная лошадка с щелкунчиком в красном мундире. А это — лебедь с тонкой — тонкой изогнутой шеей, что даже страшно его в руки брать.

— Какая прелесть! — шептала восторженно Лиза, клала осторожно игрушку на старое место и брала новую.

Она с трудом заставила себя оторваться от



этого великолепия. Вздохнула: «Куда я с этими хрупкими созданиями?»

Закрыла коробку и оглянулась по сторонам. Её внимание привлёк довольно большой сундук с горбатой крышкой. Он явно был старинным. Может, от бабушки остался? Она подошла к нему и откинула крышку.

Там лежали завёрнутые в головные старинные платки какие — то свёртки. Она развернула верхний и достала очень старую толстую книгу в кожаном переплёте с медными застежками. Это была Библия 1560 года издания. Многие буквы были Лизе не знакомы и слова прочитать трудно.

— Это я заберу обязательно. — Она снова завернула книгу в этот же платок и уложила в свой дипломат.

Лиза развернула следующий, маленький и не такой увесистый. И обомлела — на неё в упор смотрели глаза Богородицы, красивой и строгой. Иконка была писана на дереве, настоящая. Лиза и её взяла. Она подумала, что Библия и икона оказались в сундуке, а не в доме, вполне объяснимо. Гонения советской власти на это «мракобесие» известны даже современным школьникам. Иконы и книги сжигались, часто показательно при всех. А хозяевам эти реликвии, скорее всего достались от прадедов. И уничтожить их рука не поднималась.

Ещё в сундуке был шикарный толстенный

семейный альбом. Но рассматривать его времени не было совсем.

Внизу послышался какой — то шум, потом крики. Лиза от неожиданности села на пол. Затем машинально захлопнула крышку сундука и схватив свой дипломат(ТАМ ДОКУМЕНТЫ), поспешно стала спускаться по лестнице вниз.

В комнате всё было вверх дном. Большой стол валялся боком у окна, книги с него сброшены. По ним топтались ногами в драке.

Крупный мужик в какой — то старинной длинной рубаше, подпоясной веревочным пояском и в широких штанах, заправленными в сапоги, стоял в полумедвежьей позе посреди комнаты.

Лейтенант, который отлетел к шкафу на глазах у Лизы, теперь полулежал с разбитым носом, но пытался снова подняться на ноги.

Михаил с Юрием пытались повалить незваного гостя на пол, боролись с ним. Вот отлетел к окошку Юрка, но Мишаня не уступал. Он был молод и неопытен, но далеко не слабак. Однако через пару минут и он потерпел поражение. Мальчик дрожащими руками отстёгивал поводок с ошейника овчарки.

— Собаке нельзя! — Закричала Лиза и бросилась к незнакомцу, чтобы с разбега сбить его с ног весом своего тела. Но запнулась о книгу на полу и рыбкой полетела на него. Человек сделал

шаг вперёд и поймал девушку на лету, не дав ей упасть.

Лиза быстро крутнулась в его руках, так что лёгкое платье завернулось вокруг талии спиралью. Оказавшись лицом к мальчику с собакой и не оставляя попыток вырваться из железных рук, кричала, задыхаясь:

— Держи собаку! Нельзя ей.

Затем, сообразив, что вырваться не получится, снова развернулась к захватчику лицом и, упираясь изо всех сил руками ему в грудь, взглянула, наконец, в глаза.

Она даже не столько была испугана, сколько в ярости. Злости добавляло еще и то, что платье поднялось гораздо выше колен, а на талии смято и натянуто до предела, вот — вот грозило порваться. И через эту бешеную ярость голос разума ей подсказал, что на кровожадного зверя он не похож.

— Отпустите меня, пожалуйста, мне дышать трудно!

Руки разжались, и Лиза, поправляя платье и волосы, искоса поглядывала на незнакомца. Не уловив пока ничего опасного в его глазах и намерениях, зато увидев чуть заметную улыбку, она сказала, окинув взглядом поле боя:

— Конечно, очень смешно! Все пораскидал, всех победил! И стоишь — радуешься. Бардак, одним словом. Чего вам надо от нас?

— Я за тобой пришёл. Нам надо обсудить одно дело. — Мужчина заговорил. Голос оказался молодым и даже каким — то грудным, приятным.

— За мной?! А чем я Вас так заинтересовала?

Лиза ничего не понимала. Красотой она никогда не славилась, и поэтому всякий признак внимания со стороны мужчин всегда её очень сильно настораживал, даже пугал.

— Мне нужно поговорить. Пойдем со мной. — Настойчиво повторил мужчина — «медведь». — Это касается того, как выбраться отсюда.

Товарищи — попутчики, несмотря на свои ушибы и разбитые носы и губы, труса праздновать не собирались. Они вооружались, чем могли. В руках у лейтенанта была какая — то увесистая бронзовая статуэтка. Миша успел достать из дипломата складной ножичек. Юра стоял, опёршись на стул двумя руками.

Рекс рычал и, напряжинившись, был готов к броску, как только хозяин подаст команду.

Быстро оценив обстановку и сделав вывод, что неизвестно, кому что перепадёт в результате следующего нападения, Лиза приняла решение:

— Я пойду с ним. Во всяком случае, смерти я не чувствую. Вы заберите отсюда, что выбрали стоящего, не зря же шли сюда, рисковали, и отправляйтесь домой, к остальным. И ждите завтра

моего возвращения!

— Я хорошо знаю, где ты живёшь! —  
Угрожающе произнес лейтенант.

Незнакомец молча кивнул головой и первый пошёл к выходу.

Лиза подняла свой дипломат и вышла за ним, не оглядываясь. Ребята несколько минут молчали, ощупывая свои повреждения.

Затем Сергей подошёл к перевёрнутому столу и знаком показал парням, что его не мешало бы поставить на место. Втроём они поняли тяжелую мебель.

Затем все, и Ксюша тоже, подобрали сброшенные книги.

Сергей повертел бронзовую статуэтку перед собой. Конь, вставший на дыбы, ему очень понравился. Да и в качестве оружия мог пригодиться.

Ребята набили свои сумки понравившимися книгами.

Ксюша в пакет положила пару старых книг по медицине с великолепными иллюстрациями. И сняла со стены очень понравившуюся ей небольшую картину в богатой золочёной раме — натюрморт из цветов и фруктов.

Мальчик с собакой держал в коробке модель искусно сработанного парусника и фарфоровую статуэтку танцующей балерины для мамы.

— Надо идти домой! — Сказал лейтенант. — Скоро стемнеет. Да и, не дай бог, ещё кто заявится!

Они благополучно добрались до двухэтажки. Их уже давно поджидали. И быстро накрыли стол для ужина.

Молоко было налито только детям. Остальные пили чай. Алексей попросил миску для сабачки. И покрошил ему туда свой кусочек хлеба, залив молоком из своего стакана.

Хозяин овчарки последовал его примеру.

Плов был вкусным и сытным. Чай только дополнял это насыщение желудка. Но веселья за столом не было. У всех на уме одно — надежда на спасение.

Наконец, поговорив еще немного о жизни там, в будущем, все разошлись спать по своим комнатам. Все, кроме дежурных. Гости разлучаться не хотели. И им принесли матрацы на пол и дали покрывала с подушками.

Стемнело окончательно. На небе светили те же звезды, та же луна. Только привычных шумов от поездов и автомобилей слышно не было, как не прислушивайся.

## Глава VII

Незнакомец с Лизой шли рядом молча по улице, которая заметно опускалась вниз. Скоро стало понятно, что близко течёт речка.

Из одного дома выскочил неопрятный человек им навстречу. Но увидев «медведя», он быстро ретировался.

Девушка украдкой поглядывала на попутчика, но пока никаких признаков одержимости не находила. Более того, она интуитивно чувствовала, насколько этот человек сильнее её не только физически, но и внутренне.

И взять верх над ним, подчинить своей воле в случае проявления припадков одержимости она тоже не питала надежду.

Прислушалась к своим чувствам. Пока опасности не ощущала. «И то ладно. Дальше видно будет, что делать». — Мысленно сказала себе Лиза.

— Андрей! — Вдруг неожиданно нарушил молчание спутник. И подал ей руку. Лиза помедлила несколько секунд в нерешительности и подала ему свою.

— Лиза. Очень приятно! — И ответила ему рукопожатием.

Андрей странно посмотрел на неё с нескрываемым удивлением. Затем открыл воротца и, посторонившись, пропустил девушку вперед:

— Мы пришли. Заходи!

Затем снова закрыл их изнутри на какие — то хитрые приспособления. Из кармана достал ключи и открыл двери в дом.

Во дворе, просторных сенях и в доме, как успела заметить Лиза, было чисто. И запах в избе был жилой, не запущенный, как в тех двух домах, где они успели сегодня побывать.

— Прошу к столу! — Хозяин гостеприимно указал на стул у окна.

Девушка оглянулась, где бы умыться, и заметив закуток под ситцевой занавеской, прошла к рукомойнику. Руки были грязные после путешествий по пыльным чердакам.

Затем она села за кухонный стол. Занавески на окнах тоже были чистые и не рваные.

На подоконнике стояла красная герань с большими корзинами крупных соцветий и Алоэ. Несколько нижних листьев — перьев у него срезаны под самый ствол.

Тем временем Андрей достал из русской печи глубокую чугунную сковороду с печёной рыбой, по краям которой лежали крупные ломти картофеля. Запах шёл от кушанья просто изумительный.

Целый день Лиза ничего не ела. Да и не хотелось из — за всех этих событий. И только сейчас почувствовала, что очень голодна.

Андрей положил на тарелку крупный кусок



рыбины и несколько ломтиков картошки и поставил перед ней. — Откушайте!

Лиза ломаться не стала и говорить, что это много. Она дождалась, когда хозяин и сам сядет за стол и начнёт есть. И с аппетитом принялась за еду.

— Спасибо! Рыба очень вкусная. Сазан? — Спросила она.

И заметно, что мужчина поставил свою посуду в тазик, чтобы помыть, а с её тарелкой несколько замялся. Его одежда, борода и эта заминка подсказала ей правильный ответ.

— Вы из староверов? — Прямо спросила она.

— Да. А как ты догадалась?

— Одежда своеобразная. Я учительница по истории. И про посуду знаю, что чашки и ложки после того, как из них поел человек иного вероисповедания, выбрасываются совсем. Ну и отец у меня из староверов. Много рассказывал.

Андрей положил её тарелку и вилку к своей посуде в один тазик. И налил в стаканы травяной запашистый чай.

— Сахара нет. — Сказал он, как бы извиняясь.

Лиза вспомнила, что в поезде вместе с чаем проводница давала по два кусочка сахара. Чай она пила два раза со сладкими пирожками. Значит, сахар у неё сохранился.

Она нашла эти кусочки у себя в дипломате и с улыбкой положила их на стол.

Андрей с видимым удовольствием развернул один кусочек и стал пить чай «вприкуску».

Лиза же чай с сахаром никогда не любила. Ей казалось, что сахар портит вкус чая.

Она находила, что любая травка и так сладкая.

— Отец твой из Сибири? Из здешних? —

Спросил мужчина.

— Да. Он родился в Алтайском крае, в деревне Бубенчиково.

— Бубенщиково! — Поправил он.

— Да, точно Бубенщиково. Это когда мы на его родину ездили, деревню уже расформировали, а указатель на дороге оставили. Я и прочитала на нём это слово.

— Когда расформировали? — Удивился Андрей.

— Я четыре года назад уезжал из неё, все было на месте.

— О — ё — моё! — Хлопнула себя по лбу Лиза ладошкой.

— Вы — то еще не знаете, откуда мы здесь взялись! Сейчас всё объясню.

— Я родилась в 1962 году!

У мужчины брови полезли вверх.

— Сейчас мне 21 год. И мы с моими товарищами, вы их видели, прибыли к вам на трамвае из 1983 года.

Андрей уже очень странно на неё смотрел, не

верил ни одному слову. И ещё не решил для себя, как к этому отнестись.

Лиза успокаивающе подняла руки ладонями к нему, затем раскрыла дипломат и подала поочерёдно ему паспорт, затем студенческий билет.

— Вот, я сейчас учусь в институте.

А вот мой билет на поезд, на котором я сегодня приехала в город. С вокзала мы сели в трамвай, поехали и вдруг очутились здесь, в вашем военном времени.

Андрей внимательно выслушал все объяснения и решил ещё от себя проверить, насколько гостя из будущего правдива в своих речах. И спросил:

— Сможешь описать, как выглядела эта деревня Бубенщиково?

— Постараюсь. Я там была два раза. Первый раз с бабушкой Натальей в 10 лет. Это значит, в 1972 году деревня была ещё на месте. Но жители уже знали, что скоро будут уезжать отсюда.

По полям к ней шла длинная — длинная дорога, без асфальта. А да, ещё, как за Новосибирск выедешь, то на 107 км сворачивать влево с трассы надо.

Всю деревню опоясывает неширокая речка. В одном месте её называют Солдаткой. Речка из родниковой чистой воды. Въезд в деревню по деревянному мостику из тонких брёвен, в два ряда

настил. Под мостиком омут был раньше, только в последние года он всего по пояс стал. Раньше по речке сплав брёвен шёл, поэтому она обмелела.

Вся деревня как во впадине. Её зимой сильно заносит снегом: Это мне уже мать рассказывала. Слева от мостика пригорок и на нём был детский садик. Справа холмистая гора и пихтач спускается в самую деревню. Я там ещё сухие грузди находила.

По берегам реки растёт местами ярко — красный марьин корень и коротенькие прутики малины.

В берег реки по всей деревне вделаны желобки, по которым бегут родники. На удобной высоте — ведро подставить. Мы пробовали ради интереса, вкус у каждого родничка свой, особенный.

Если подальше за деревню уйти, там вода поглубже и по шире. И такое быстрое течение, что мы за руки все держались, чтобы перейти вброд. Иначе с ног сбивает. Дно твёрдое, каменистое.

Я в одном месте увидела, как будто золотой камешек блеснул. Но пока до меня дошло, это место прошли.

Баба Наталья и отец говорили, что золото там до сих пор моют, только мало его стало на поверхности.

Мальков хариуса на мелководье видели.

— Всё правильно рассказала! — На лице

Андрея читалось очень сильное волнение. — А дома все снесли? Никто жить не остался?

— Этого я не знаю. Мы ещё через четыре года с отцом ездили туда. Многих построек уже не было и остальные полузаброшенные стали. У пастухов только в глубине деревни дом целый сохранился. Хороший дом, обшитый тёсом и покрашен зелёной краской. Крыша покрыта железом бордового цвета.

Да ещё недалеко от моста землянка была. Говорили, что старухи какой — то. Мы детьми были. Интересно в первый раз посмотреть, что там в землянке. Полезли, но темно и страшно так стало, что на полдороге обратно выбежали. Больше и не осмелились.

— И ты говорила, что отец у тебя родом оттуда и бабушка. Кто они?

— Девичью фамилию бабушки я не знаю. А муж у неё был Гаврила, раз отец Александр Гаврилович Белоусов.

— Я их знаю. Бабушка твоя Наталья — это моя ровесница, мы с одного года. Всё понятно, откуда ты такая... Теперь настала пора Лизы делать большие глаза.

— Ровесники? Она с 16 года рождения. Это что же вам сейчас:  $47 - 16 = 31$  год?

Она даже потрясла головой. Наверное, требовалось время, чтобы полностью осознать это.

— И второе — какая я такая?

— Колдунья. У вас в роду многие этим славились.

— А вы про меня откуда знаете?

— Я под окном был, когда ты форточку открывала и бесов изгоняла из Зинаиды и её сына. Я слышал. Наташа — то живая ещё?

— Нет, умерла несколько лет назад. Но она меня этому не учила. Заговорам и молитвам начинала учить, но скоро бросила, потому что моя мать строго — настрого запретила.

— Ну кровь — то своё всё равно возьмёт! — Уверенно подытожил Андрей. — Ну а про моё здоровье что скажешь? — Хитровато посмотрел он в глаза девушки. Лиза пожала плечами.

— Я ничего пока не вижу. И опасности тоже не чувствую. Вы хотите сказать, что участь многих здешних..., — она подыскивала слово, чтобы не обидеть, — несчастных не коснулось Вас?

— Нет. Я не заражён. Я и не ходил никуда. Накануне приехал к знакомым по одному очень важному делу. Утром они ушли на работу. Договорились, что и моему делу наведут справки. И не вернулись. Потом уже узнал, что случилось.

А идти в общежитие не могу. И вера не позволяет, и на свободе привык жить.

Да и жители не сразу решили жить вместе. Каждый в своём доме жил, привык к самостоятельности. Живность у многих была,

огороды тоже. Только в котором доме и так — то хозяйка жила с малыми детьми одна. А тут ещё эти психи нападать стали сначала на домашних животных, а потом и на людей. Где бабёнке обороняться одной? Жертвы были и не одна.

Вот тогда оставшиеся в живых и переселились в двухэтажку. Вместе и обороняться сподручнее. Только голодать стали последнее время. Я им когда с огорода что — ни будь подброшу, чтобы не видел никто. Рыбу, когда клёв хороший идёт.

— А у Вас не воруют ничего? Или одержимые не нападают?

— А я сам таким же притворяюсь. Ну и на силу свою надеюсь. Им несколько раз перепало от меня на орехи. Бояться теперь моей дубинки. И мне так удобнее, на воле жить.

— Андрей, раз уж так вышло, что мы по возрасту не сильно разнимся, можно, я на ты обращаться буду?

— Отчего же нельзя?

— Зачем ты искал меня?

— А вот и главное — то! — Тихо сказал он. — Я кое — что хочу попробовать — один обряд. В детстве от ведуньи одной слышал. Учила она меня многому. Говорила, что сила от рожденья мне особая дана.

Но один я не смогу этого сделать. Нужен ещё такой же человек.

Я к каждому здесь приглядывался, — нет такого.

— А ты сама это особенное во мне почувствовала?

— Почти сразу же. И думаю, что ты сильнее меня. — Лиза опустила глаза. — А мне бабушка говорила, что я не очень сильная. Так?

— Может быть и так. Но сейчас тебе силы придаёт твоя непорочность.

Лиза покраснела.

— Вы, ты откуда знаешь? — Она готова была от стыда провалиться сквозь землю. Сейчас это было настолько не в моде, что даже осуждали таких. Считалось, что либо ты высокомерен или просто на фиг никому не нужен. И то и другое воспринималось в современном мире как непростительный грех. А если просто ждёшь большой любви одного — единственного?

— Я тебя когда поймал, ты так барахталась, грудью боялась ко мне прижаться. Всё руками упиралась, да платье пыталась одёрнуть. Бабы так себя не ведут. А ты даже не визжала от страха! — Андрей засмеялся от всей души.

— Я не ошибусь, если скажу, что злости в тебе от того, что крепко прижал, было куда больше, чем страха! — Он досмеялся до слёз.

Лиза сначала обиделась и сидела с надутым видом. А потом вместе с ним принялась смеяться.



Смех заразителен. Так смешинка часто попадает в рот молодым.

Из разных времён, из абсолютно разных поколений, но они оба были молоды. И чувство страха перед жизнью ещё не пустило в них глубокие корни.

Но такие волнения, выпавшие на их долю в этот день, всё же не могли не сказаться. Быстро темнело и очень хотелось спать.

ДА и в поезде ночь была беспокойной. Полночи плакал маленький ребёнок. А его мать не придумала ничего лучшего, как укачивать его на руках, прогуливаясь взад — вперёд по всему вагону.

И девушка уже несколько раз пыталась подавить зевок, прикрывая рот рукой.

— На сегодня хватит! — Поднялся хозяин из — за стола. — Пошли укладываться спать.

Он провёл Лизу в горницу. Там стоял пузатый дерматиновый диван с высокой спинкой и валиками по бокам. И на этой спинке зачем — то были приделаны две округлые деревянные полочки. И мало того, на них стояли игрушки — статуэтки.

«Интересно, а спать как — они же упадут?» — Про себя подумала Лиза.

Андрей принёс одеяло, простынь и подушку.

— Спасибо! — Поблагодарила девушка.

На скользкий диван она положила одеяло,

подушку. А простынью решила накрыться.

— А ты где будешь спать? — Лиза в тёмном доме побаивалась.

— Рядом, в спальне. — Показал Андрей на открытую дверь. — Я не буду её закрывать, чтобы слышно было. И ушёл к себе.

Лиза скинула платье и повесила его на спинку стула. Оставшись в шёлковой комбинации, быстро легла, удивилась, что постель оказалась очень даже удобной и уснула.

Во сне приснилось, как она соскучилась по бабе Наталье и решила сходить к ней домой в гости. Вот она перешла кукурузное поле и уже стоит в начале улицы. До знакомого домика осталось пройти несколько домов. Но почему — то дорога перегорожена высоким забором из досок и прохода нет.

Лиза решает обойти дома с другой стороны. Там есть тропинка через поле. Она уже делает по ней несколько шагов, но ноги увязают в грязи. «Чмок — чав» слышится под ногами. «Отвратительные какие звуки!» — Думает Лиза и от этих звуков просыпается.

Но звуки не прекратились. Они слышатся за стеной.

Девушка осторожно встаёт с дивана и на ходу стянув платье со стула, прикрывшись им спереди, на цыпочках идёт в спальню.